

Но голос его был пустым и лишенным убежденности. Что толку быть невиновным, если вина все равно тяготит его? Он был невиновен в убийстве, невиновен в измене, конечно. Его преступление заключалось в том, что он был глупцом и стал причиной смерти Лили и Джеймса в той же мере, что и предатель Питер и убийца Волдеморт. Без него...

Он повторял это уже дюжину раз. В Азкабанае мало что можно было сделать, кроме как страдать и оплакивать «что-если». В чем смысл всего этого? В этой бесконечной жалости к себе? Гниение в Азкабанае не принесло Гарри ничего хорошего. Судя по дате, мальчик прожил с Питером в Хогвартсе два года. Питер мог убить его в любой момент. Почему он до сих пор этого не сделал, Сириус не знал. Наверное, был слишком труслив. Но при первом же признаке возвращения хозяина... Сириус был уверен, при первом же признаке того, что этот подлый поступок принесет ему славу или милость хозяина, Питер сделает это. Он сам убьет мальчика или предаст его Волдеморту, как предал своих родителей.

«Он в Хогвартсе!» Они оба. Хогвартс был там, где он был нужен.

В животе Сириуса заурчало от голода. Он не ел с тех пор, как увидел статью в газете - ту самую, которая сообщила ему о том, где сейчас скрывается Питер, надежно спрятанный в качестве домашней крысы одного из детей Уизли. Он не ел, чтобы пролезть через решетку. Уже сразу после того, как ему в руки попала газета, он почти оказался там. Почти смог пролезть, но не совсем.

Он должен...

Не успел он решиться на новую попытку, как заметил, что по железным прутьям его камеры ползёт иней. Дементоры... Они приближались... Они приближались.

«Сириус! Как ты мог! Лили и Джеймс», - раздался в голове голос Питера.

Он пробирался через руины дома Поттеров в Годриковой впадине. Они должны были быть в безопасности! Но он опоздал. Он знал, что опоздал, потому что видел руины, явные свидетельства нападения, и больше не слышал, как кто-то сражается. Все было кончено. Он опоздал.

Он нашел Джеймса - своего лучшего друга, брата, Пронгса - лежащим у подножия лестницы, наполовину развалившимся на ней, а затем небрежно отброшенным в сторону. Его туловище болталось между прутьями перил, ноги широко раскинулись по белому кафельному полу. Зрение Сириуса расплывалось от истерических слез, когда он пытался вытащить лучшего друга из неудобного положения. Это было унижительно, как будто его просто выбросили, как мусор. Джеймс не был мусором! Он был самым замечательным человеком, которого Сириус когда-либо встречал. Он заслуживал большего. Он заслуживал всего счастья в мире, он заслуживал, чтобы его семья была здоровой и целой!

Его семья... Вид лучшего друга заставил Сириуса забыть обо всем на свете. Он не мог помочь Джеймсу, он знал. Джеймс был мертв, и с его слабыми руками и затуманенным зрением

Сириусу даже не удалось освободить его от унижительного положения. Лили, возможно, еще жива - Гарри... Джеймс надрал бы ему задницу, если бы узнал, что Сириус не искал их первым. Джеймс... больше никогда ничего не сделает.

Он нашел Лили в детской. В отличие от Джеймса, она лежала на полу, глаза ее были уже закрыты. Она выглядела спящей. Она выглядела умиротворенной. Она выглядела так, словно ее положили на покой с почтением, а не выбросили бессистемно, как Джеймса. На самом деле, она выглядела прекрасно. Настолько, что Сириус не думал, что она мертва, несмотря на бледность ее кожи. Он проверил ее пульс. Проверил дыхание. Его руки сильно дрожали. В отчаянии он достал свою палочку, чтобы магически проверить, жива ли она, желая, чтобы она была жива.

Успокойтесь. Заставить...

Ничего. Дрожа, он поднял взгляд...

Прямо в пару зелёных глаз, широко раскрытых и настороженных. Глаза Лили...

«Как ты мог! Лили и Джеймс!» Бам! Кровь, кратер, дымящиеся руины на улице, и его собственный смех, прозвучавший на месте разрушения.

Он наконец-то смог превратиться, по его щекам текли мокрые слезы, которые теперь окрашивали его лохматый черный мех. Воспоминания не прекратились. Но они были приглушенными. Как будто он видел их сквозь дымку. Он пережил Азкабан на двенадцать лет. Он переживет еще несколько часов.

**

Холод... Вода была холодной. Он погрузился прямо в бушующие волны. Погода и море были не на его стороне, но из своей камеры он не мог этого знать, и теперь не было пути назад, не было второй попытки. Она должна быть этой, сегодня, или никогда. Либо он добьется успеха, либо утонет, пытаясь добраться до берега. Поворота не было. Это был путь в один конец.

Волны быстро смыли отчаянно гребущего пса от ужасной тюрьмы на скале посреди Северного моря. Вода била его, толкала под воду, но пес всплыл на поверхность. Он захлебывался и тяжело вдыхал воздух, прежде чем снова уйти под воду.

Он трансформировался, надеясь, что человеческая форма даст ему больше шансов в борьбе с силами природы. Отчаянно, с трудом выбиваясь из сил, он поплыл против волн. Берег - ему нужно было добраться до берега...

Но он даже не мог его увидеть. Вода жгла глаза, в горле стоял привкус соли. С каждым взмахом рук он говорил себе: еще один. Руками и босыми ногами он отталкивал воду, но перед

ним было так много воды...

Его мышцы - все, что от них осталось после долгих лет голода и недели полного голодания, - сводило судорогой. Его собственный вес, промокшая тюремная одежда, вялость в конечностях тянули его вниз. Он уже не плавал, а безнадежно пытался держаться над поверхностью. Но вода попадала ему в рот, в нос, в горло... Он глотал ее, но ее становилось все больше.

Он видел только черноту воды вокруг себя и чувствовал холод моря...

Помогите! подумал он! Помогите! Он тонул.

Холод... Холод... Он мерз уже двенадцать лет... Они приближались... Они приближались. Инстинктивно он превратился в фигуру большой черной собаки.

<http://tl.rulate.ru/book/105589/3962535>